

ОТЗЫВ

председателя диссертационного совета

о диссертации Яо Жун

на тему: «Концепты *Скука, Тоска, Грусть, Печаль* в русском языковом сознании (на фоне китайских концептов негативных эмоций)»,

представленной

на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01. – Русский язык

Лингвистическая концептология как отдельное направление в современном языкознании – до сих пор не имеет ясно очерченных и всеми принимаемых границ и методов исследовательских решений. Как у всякой на глазах формируемой научной отрасли, есть у нее как жаркие сторонники, так и непримиримые скептики. Термин же «концепт», чрезвычайно популярный и столь часто употребляемый во многих современных работах, причем в очень разных значениях, переживает, на мой взгляд, очевидную девальвацию, поскольку уже не содержит той новизны и того научного прорывного смысла, который вкладывал в него, например, С.А. Аскольдов, пожалуй, впервые использовавший его в качестве рабочего термина для обозначения помысленной идеи, вербально еще не оформленной.

Поэтому всякая работа этой проблематики, написанная с точки зрения строгой, научно выверенной позиции, с использованием строгого инструментария, должна только приветствоваться; представленная к защите диссертация Яо Жун – одна из таких, крепко следующих одной научной концепции, на своем языковом материале развивающих основные её (концепции) положения.

Яо Жун – сторонница учения Владимира Викторовича Колесова, чьи работы по когнитивной лингвистике, по концептологии хорошо известны современной науке, а в стенах Санкт-Петербургского университета, Почетным профессором которого он является и в котором проработал более 50-ти лет, имеют значение особое. Мы без преувеличения можем сказать, что научное наследие В.В. Колесова – отдельная и уникальная школа российской

лингвистической концептологии, поэтому исследования, выполненные в русле его идей, с использованием его метода и исходных теоретических установок, для нас, учеников и коллег замечательного ученого, всегда **исключительно актуальны** и востребованны.

Яо Жун, рассматривающая языковое проявление концептов *скука, тоска, печаль, грусть* в русском языке на фоне китайского, весьма тщательно и дробно освещает теорию вопроса (*понятие концепта, его содержательные формы, разные точки зрения на концепт* и др.), и это безусловно оправданное решение диссертантки: в многоголосице лингвокультурологов, использующих те же термины, эти позиции важно сразу прояснить и действовать сообразно тем положениям, которые сформулированы в трудах В.В. Колесова. Глава первая («Концепт как базовое понятие когнитивной лингвистики»: с. 12–29), логично выстроенная и довольно полно представляющая теоретическую базу исследования, ясно демонстрирует это намерение автора.

Однако, как мне показалось, желание автора диссертации найти компромисс между теорией концепта В.В. Колесова и теорией концепта, принятой в традиционной (если так можно выразиться) лингвокультурологии, заключенной, например, в трудах В.И. Карасика или В.А. Масловой, не совсем убедительно. Известно, что сам Владимир Викторович избегал термина «картина мира» и всячески подчеркивал, что с точки зрения лингвокультурологии ментальность изучается только со стороны уже сложившегося символа, а не концепта как первосмысла, что лингвокультурологические исследования крепко привязаны «к данной культурно-исторической эпохе», что в них (порой) вполне произвольно «соединяется значение слова и экстралингвистическая информация», с помощью которой и «получают сведения о концепте»¹.

Не отрицая очень верный тезис Яо Жун о том, что все «подходы в исследовании ментальности имеют право на существование (с. 19)», отмечу

¹ Колесов В.В. Концептология. СПб.: Факультет филологии и искусств, 2010. С. 105–106.

все же, что как раз выбранная Яо Жу концепция, сформулированная В.В. Колесовым, во многом не сопоставима и даже противоречит тем позициям, которые утверждает современная лингвокультурология. Поэтому первый параграф второй главы «Концепт как основа языковой картины мира», в которой предпринимается попытка рассмотреть концепты *скука, тоска, грусть, печаль* уже в рамках этой теории, несколько отодвигает нашего автора от заявленной приверженности учению В.В. Колесова.

К счастью, это ощущение пропадает, когда начинаешь читать собственно исследовательскую часть второй главы («Концепты негативных эмоций *скука, тоска, грусть, печаль* в русском языковом сознании»: с. 30–81), в которой методика В.В. Колесова представлена как единственно возможная в выбранном автором аспекте, что совершенно объяснимо. Тем более, немного «анклавно» выглядит часть 2.1 («Концепт как основа языковой картины мира»: с. 31–34), в которой смешаны, на мой взгляд, с не совсем ясной целью, очень разные позиции на соотношение языка и культуры (Ю.С. Степанов, О.А. Корнилов, В.В. Виноградов, В.Н. Телия и др.), причем хронологически явно непоследовательно – от взглядов современных лингвокультурологов к позиции Бодуэна де Куртенэ.

Примечательно, что автор, пожалуй, впервые предлагает не ограничиваться материалом художественной или иной письменной литературы, но всячески подчеркивает, что привлекает к исследованию весьма разножанровый текстовый материал. Причем не только разножанровый и разновременный, но и онтологически разнородный – например, приятно удивившие меня данные «Словаря народных говоров» и русской пословичной традиции, а рядом – результаты анкетирования современных носителей языка. И этот подход, как думается, имеет оправданные и веские основания: Владимир Викторович всегда подчеркивал, что мысль воплощена в языке, а не в речи («язык не лжет»)², поэтому чем больше языкового материала – разного и хронологически не ограниченного,

² Колесов В.В. Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. С.10.

тем яснее контуры неявленного смысла, т.е. концепта. Если учесть, что столь разнородные лексические данные рассматриваются на фоне сходных китайских слов, то **новизна исследования**, на мой взгляд, более чем очевидна, и это нельзя не отметить как положительный факт диссертационного сочинения. Хочется отметить также несомненную смелость, а по результату исследования и прочную подготовленность нашего автора в концептуальном анализе – Яо Жун удалось в полной мере применить метод своего Учителя в исследовании столь пестрого по составу и текстопорождению языкового материала, исследовать языковое воплощение и национальную специфику концептов *скука, тоска, грусть, печаль*.

Немного странно при этом звучит термин «массовая неклассическая литература» (с. 6), который, видимо, следовало бы определить филологически четче.

Вторая исследовательская глава ясно демонстрирует, что сложный, неоднозначно, а порой весьма критически воспринимаемый в современной науке теоретический аппарат, предлагаемый В.В. Колесовым, Яо Жун очень точно и верно интерпретирован и понят. А это весьма непростая задача, если учесть, что для нашего соискателя русский язык не родной, а тексты Владимира Викторовича о концептуальном анализе читать и познавать не всегда легко, вернее, – довольно сложно. Однако уже со страницы 41-й диссертации становится ясно, что Яо Жун, пошагово анализируя выбранные концепты, строго следует выбранной методике. Для начала она тонко и точно (одновременно) определяет – *типичные, глубинные, интенсивные и длительные признаки*, составляющие десигнат словесного знака и выражающие признаковую проявленность концепта, затем обращается к проблеме «сопряжения» десигната и денотата в словесном знаке и только затем – к осторожной реконструкции концептума на основании анализа этого сопряжения.

Отдельные вопросы в этой части работы возникли у меня лишь в связи с некоторыми квалификациями тех или иных признаков. Например,

глубинный признак для *скуки*, по мнению Яо Жун, выражены прилагательными *вязкая, дикая*. Однако глубинные признаки включены в понятие и определяют реальное (т.е. логическое) состояние вещи: *старый дом, каменная изгородь*. Представляется, что перед нами интенсивные признаки: *вязкая скука*, которые создают образ, не понятие. То же самое касается интерпретации эпитета *тягучая при печали*.

Впечатляет представленная в виде знаменитого концептуального квадрата (с. 73) «ментальная матрица» исследованных концептов, которая включает в себя в позиции «первосмысла» – *скуку*, в качестве «образа» – *тоску*, на месте понятия – *грусть*, а в роли «символа» – *печаль*. Анализ не одной тысячи текстовых употреблений позволяет автору диссертации весьма глубоко проникнуть в последовательное разворачивание (эволюцию) представлений об этих эмоциональных состояниях в русской ментальности: от *скуки* как первоисточника к *печали* как символу. Вывод, сродни откровению, тем более – подкрепленный строгими научными данными, этимологическими справками к этим словам.

Безусловно познавательны и выразительны сопоставительные очерки (с. 91–102), в которых дается интерпретация русского концепта в сравнении с китайским, причем с максимальным учетом иероглифического выражения национально маркированного культурного образа (представления). На с. 116 диссертации весьма полно и содержательно точно перечислены наиболее существенные, с точки зрения автора работы, особенности вербальной репрезентации названных концептов в русском и китайском языках. Странно лишь, что одна из фраз в выводах, почти дословно повторяющая известные слова Владимира Викторовича, не атрибутирована должным образом (*В центре внимания русской грамматики находится не имя, выражающее устойчивое понятие, а глагол, обозначающий в высказывании действие*)³. К сожалению, в работе встречаются и другие фразы из других его работ, также

³ См.: Колесов В.В. Язык и ментальность. СПб.: Санкт-Петербург, 2004. С. 25.

не имеющие грамотно оформленных ссылок. Хочется пожелать молодому исследователю впредь избегать таких технических оплошностей.

Любопытны и интересны во многих отношениях результаты опроса современных носителей русского языка по составленной автором диссертации анкете. Стал весьма распространенным такой вид сбора материала. И в работе Яо Жун он имеет серьезные позиции, однако, по справедливому замечанию самой диссертантки, играет лишь уточнительную роль в реконструкции общенациональных концептов *скука, грусть, печаль, тоска*, тем более что в опросе участвовали 25 респондентов, что для полноценного психолингвистического эксперимента явно недостаточно. Автор диссертации это ясно осознает, что свидетельствует о серьезном подходе нашего соискателя к научной эмпирике. Подчеркну также, что и анализ результатов опроса характеризует Яо Жун как ответственного и искренне заинтересованного в своей теме исследователя. Показательно, что при конструировании по результатам опроса «ментальной формулы» Яо Жун очень грамотно, с моей точки зрения, определяет семантические константы рассматриваемых концептов, устанавливая их трехуровневую иерархию – в точном соответствии с методом В.В. Колесова.

При общем, весьма положительном, впечатлении от работы, имеется и ряд замечаний, касающихся, прежде всего, введения к работе.

1. Формулировка цели исследования, данная на с. 6, кажется мне мало отвечающей той большой, сугубо лингвистической, по-настоящему исследовательской работе, которая была проделана Яо Жун. Заявленное же в нынешней цели «толкование (почему-то – Т.С.) изученных концептов» представляется мне больше практическим занятием, нежели исследовательским.

2. Не соотносится, на мой взгляд, заявленная цель исследования и с гипотезой, которая также сформулирована довольно утилитарно. Положение о том, что «методологию В.В. Колесова возможно применить к анализу материалов из массовой неклассической литературы» (с. 6), думаю, мало

подлежит проверке на просторах кандидатской диссертации. В то время как важнейшие сопоставительные русско-китайские наблюдения над культурной и вербальной репрезентацией общечеловеческих концептов на разножанровом и онтологически разнородном языковом материале, могли бы найти выражение как в цели, так и в гипотезе исследования, тем более что они в работе представлены емко и ладно.

Приведенные (здесь) рассуждения, рекомендации, какие-то частные критические реплики – свидетельство того, что диссертация Яо Жун состоялась, что она имеет очевидные достоинства и явные исследовательские перспективы. Поэтому следует произнести очевидное: диссертация Яо Жун на тему: «Концепты *Скука, Тоска, Грусть, Печаль* в русском языковом сознании (на фоне китайских концептов негативных эмоций)», соответствует основным требованиям, установленным Приказом от 01.09.2016 № 6821/1 «О порядке присуждения ученых степеней в Санкт-Петербургском государственном университете», соискатель Яо Жун заслуживает присуждения ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01. – Русский язык.

Пункт 11 указанного Порядка диссертантом не нарушен.

Председатель диссертационного совета –
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры русского языка СПбГУ


Т.С. Садова

10 апреля 2020 г.